

Калужный В.Н.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Выражением «речевой акт» оперируют философы и лингвисты, логики и литературоведы, психологи и специалисты по искусственному интеллекту. Каково, однако, настоящее место этого понятия в современной науке?

Теория речевых актов ассоциируется, прежде всего, с Дж. Остином (1911–1960), известным, прежде всего, своей книгой «How to do things with words» («Слово как действие»). Она представляет собой посмертно опубликованные (в 1962 г.) лекции, читавшиеся в пятидесятых годах. Свой вклад Остин характеризовал без ложной скромности: «одно бесспорно — эти взгляды ведут к перевороту в философии. При желании это можно назвать великим и благотворным событием в истории нашей науки, и, возможно, это не будет чрезмерным преувеличением».

Характерно, что основоположник теории речевых актов обращался к самому термину лишь эпизодически, не пытаясь его как-то определять. Вместе с тем монополия на выражение «речевой акт» Остину не принадлежит. Его широко употребляют лингвисты, например, Роман Якобсон.

Один из разделов первой лекции носит название «Можно ли творить реальность словом»? Этот вопрос повторяется в книге многократно. Но вместо того, что бы поискать ответ в литературе (например, в заложенной еще в XIX веке Пирсом прагматике), Остин предпочитает идти своим (аматорским) путем.

Основную идею Остина можно сформулировать так: «Мысль изреченная есть действие». Аргументация же убедительностью не отличается: «И акт бракосочетания, как и заключение пари, *предпочтительнее* (хотя это пока не вполне *точная* формулировка) описывать как *произнесение определенных слов*, а не как осуществление иного, внутреннего и духовного, действия, для которого эти слова служат внешним слышимым знаком. Вряд ли можно надежно *доказать* правоту этой точки зрения, но я утверждаю, что это факт».

Теория речевых актов считает *слова* «пупом земли», отводя всему остальному побочную роль. Контекст превращается ею в ряд *условий*, призванных обеспечить *успешность* речевого действия. Но не правильнее признать за *словами* роль речевой компоненты комплексного действия?

Свою идею Остин попытался реализовать в двух формах (возможно потому, что единого решения найти не удалось). Первая заключается в концепции *перформативного* высказывания. Вторая — в представлении речевого акта в виде композиции актов трех видов: *локутивного*, *иллокутивного*, *перлокутивного*.

Первый подход воплощается для Остина в концепте *перформативности*. «Перформатив должен быть осуществлением какого-нибудь действия, а не просто говорением». Перформативность проявляется только в первом лице настоящего времени. Высказывание «Я приказываю вам...» отождествляется с приказом. Предложения же «Я приказал вам...» или «Он приказывает им...» представляют собой описания.

Популярным примером «слова как действия» является произносимая официальным лицом фраза «Объявляю вас мужем и женой». Наша точка зрения противоположна. Эти слова фактически синонимичны чисто «информационным» фразам: «С этого момента вы женаты», «Сообщаю, что вы стали мужем и женой». Никакие, самые убедительные, слова не заменят свидетельство о бракосочета-

нии. Более того, инстанция, уполномоченная регистрировать браки, не вправе отказать, если все документы в порядке.

Другой классический пример *перформативного* высказывания: «Приговариваю вас к...». Но и здесь судья лишь «озвучивает» предварительно принятое решение. Заметим, что судебное постановление не ведет к молниеносному изменению ситуации (вступлению его в силу). Предусмотрена многоступенчатая возможность его опротестования.

Вторая идея Остина состоит в представлении речевого акта в виде своеобразного «слоеного пирога», состоящего из *локутивного*, *иллокутивного* и *перлокутивного* актов. Исполнение иллокутивного акта по Остину «есть осуществление какого-то акта *в ходе* говорения в противоположность действию *самого* говорения», называемого «локутивным актом». Перлокутивный акт — результат воздействия на мысли, чувства, позицию слушающего (*оскорбить*, *удивить*, *принудить*). Остин как будто не понимает соотношения целей, средств и результатов, предлагая вместо испытанных понятий свои неологизмы.

В теории речевых актов нечетко используется понятия «действие». Остин признает, что «осуществление действия» — очень расплывчатое выражение», но не пытается его уточнить. Речь должна идти не о физическом или психологическом, а о социальном действии. В самом широком плане, социальное действие — это поступок, изменяющий расстановку сил в социальной сфере (*приказывать*, *просить*, *убеждать*). Изменения в социальном мире определяет личная, групповая, политическая воля. В конечном счете, — это решимость людей действовать тем или иным способом, модифицировать свое поведение в соответствии с трансформацией норм.

Под видом «письменных речевых актов» у Остина фактически выступают правовые акты. Задача последних — фиксировать социальные изменения. Заметим, что играет роль не столько момент подписания, сколько время вступления (закона, договора) в силу. Во всех подобных ситуациях важно одно — принятие решения. Все остальное — документальное оформление и звуковое сопровождение. Но Остин не всегда отличает ритуальную сторону происходящего от социально-правовой их сути.

Одни лишь слова не производят изменений в мире. Их произнесение является не более чем сигналом к претворению в жизнь той или иной программы действий, вербальным обозначением события.

Проблему взаимоотношения *слова* и *дела* нужно решать не со стороны слова, а со стороны дела.